

СЕКРЕТ

У Великого Сражения за Книгу Комиксов было одно непредвиденное побочное последствие, важность которого я понял лишь намного позже.

Дело в том, что мы с Юань Кваем впервые полностью вышли из строя. Прежде ни один из нас не болел серьезно, и мы были раздражены теми ограничениями, с которыми внезапно столкнулись: никакой нагрузки, никаких занятий - лежи в постели, не шуми и не устраивай никаких проделок Единственной приятной стороной наших ранений стало то, что Самая Старшая Сестра и две другие девочки решили заботиться обо мне: прикладывали лед к шишкам, приносили гостинцы и всячески баловали меня, чего не случалось с тех пор, как мама уехала в Австралию. Сходным образом обращались и с Юань Кваем. И мы неожиданно задумались на совершенно новую для нас тему.

- Эй, Юань Квай, ты когда-нибудь думал о том, отличаются ли мальчики от девочек, - поинтересовался я.

Юань Квай сел в постели и подоткнул под спину подушку, резко задышав от боли в избитых мышцах. На время выздоровления нас разместили в боковой комнате, предназначавшейся для гостей. Там были настоящие кровати, а само помещение примыкало к "комнате старших сестер", где жили девочки старшего возраста. По какой-то причине Госпожа требовала, чтобы Учитель переводил девочек определенного возраста в отдельную комнату.

- Конечно, Длинный Нос, - немного подумав, сказал Юань Квай. - Во-первых, у мальчиков удар сильнее; во-вторых, они быстрее едят; в-третьих, девочки всегда просят прощения, а мальчики - нет. И в-четвертых, девочки делятся друг с другом едой без всяких ссор.

- Да я не это имел в виду, идиот, - воскликнул я. - Ты когда-нибудь видел, как выглядят девочки без одежды?

- Голыми, что ли?

- А что еще может означать “без одежды”?

- Ну, конечно, видел, - ответил он, стараясь, чтобы его слова звучали равнодушно и пресыщено. - Постоянно вижу.

- Ну да! - уязвлено заметил я. - Раз ты так много видел, может, скажешь, чем они отличаются от нас?

Юань Квай покраснел.

- У них нет пениса, - сказал он.

- Чего? - переспросил я.

- Пиписки. У них нет пиписок, - повторил он.

- Как же они ходят в туалет? - рассмеялся я. Юань Квай метнул в меня подушку.

- Да заткнись ты! Откуда мне знать? - заорал он.

Мы не смогли придумать ничего лучшего и решили, что должны узнать все наверняка. Это потребует некоторых усилий, но разгадка Большого Секрета Девочек была под рукой.

Вы можете подумать, что мы были весьма простодушны, если до сих пор ничего не знали о мужчинах, женщинах и сексе. В конце концов, даже в те времена большинство детей уже к двенадцати годам имело прекрасное представление о том, как устроено их тело. Однако мы не ходили в школу. У нас не было времени на игры. И, кстати, кто мог все это нам рассказать? Учитель? Госпожа? Если бы мы задали им самый невинный вопрос на эту тему, то, вероятнее всего, нас выпороли бы до полусмерти.

Таким образом, нам предстояло выяснить все самостоятельно, а это было намного сложнее, чем можно себе вообразить. Дня нас мальчики и девочки были почти одинаковыми. Конечно, мы знали, что мальчики и девочки ведут себя по-разному, но вплоть до тринадцати лет или около того все мы находились в одинаковом положении: мы вместе тренировались, вместе переносили наказания и даже спали в одной комнате, бок о бок Единственными раздельными помещениями были туалеты и душевые.

В большинстве общих занятий мы по привычке делились на “братьев” и “сестер”, но мы, мальчишки, считали девочек чем-то вроде худшего варианта самих себя. Девчонки много плакали - еще больше, чем Юань Бяо, - и, честно говоря, вообще не очень-то нас интересовали.

Однако теперь я исполнился решимости докопаться до самой сути всей этой проблемы мальчиков и девочек. Когда остальные ученики вернулись со спектакля, мы с Юань Кваем прихватили с собой несколько приятелей из числа младших учеников и посвятили их в свой план. Мы не рассказали о нем ни Юань Луну, ни другим старшим ученикам - прежде всего потому, что они, несомненно, принялись бы потешаться над нашей отсталостью.

План был достаточно прост: душевая девочек была снаружи, на балконе, тянувшемся вдоль зала. Это была довольно ветхая конструкция, которая постоянно протекала, отчего на балконе оставались большие и весьма глубокие лужи воды. Хотя Учитель запрещал мальчикам болтаться на лестничной площадке, которая вела к душевой, я обратил внимание на то, что, если смотреть в лужи под верным углом, они предоставляют отличный обзор того, что творится внутри.

Старшие сестры обычно принимали душ последними, после младших. Пропустив собственное купание, мы тихо прокрались к краю балкона - туда, где горящий в душевой свет превращал темные лужи воды в великолепные зеркала

- Не шумите, - прошептал я Юань Бяо и другим младшим ученикам. В душевой зашумела вода. Через какое-то мгновение та, что находится в душе, встанет под душ, и мы увидим, что там есть у девочек. Мелькнуло розовое тело, и мы задержали дыхание - а потом разочарованно выдохнули. Девушка повернулась к нам спиной!

- Ну, давай же, развернись, - сказал Юань Квай, выбирая позицию получше на тот случай, если она это сделает. Я оттолкнул его назад, но он успел мельком взглянуть на лицо купающейся.

- Боже мой, это Госпожа! - в ужасе прошептал он. Самый младший брат взвизгнул и помчался прочь; за ним неслись Юань Бяо и наши остальные любопытные спутники, а следом и мы с Юань Кваем.

К несчастью, Госпожа услышала шум, когда мы пытались потихоньку улизнуть. Она закричала.

Едва мы спустились с лестницы, в двери ворвался гнавшийся за нами по пятам Учитель. На следующий день мы с Юань Кваем уже вернулись к занятиям - и вовсе не потому, что полностью выздоровели; просто нам было очень больно сидеть.

После провала нашего первого исследования разницы между полами мы очень долго не решались предпринять новую попытку.

Хотя нас окружали девочки нашего возраста, общие трудности жизни в Академии заставляли нас видеть в своих сверстниках противоположного пола только родных сестер, а не потенциальных жен или сексуальных партнеров.

К тому же мы очень редко общались с мальчиками и девочками вне стен Академии. Кроме того, нам попросту не хватало ни времени, ни сил на нечто большее, кроме любопытства.

Таким образом, после первого приступа острого интереса, вызванного началом от рочества и нашей карьеры оперных исполнителей, подростковые годы текли относительно спокойно - один день сменялся точно таким же.

Нужно было управляться с едой, совершенствоваться в мастерстве и играть в спектаклях. Время от времени этот замкнутый круг нарушался какими-либо развлечениями, которые обычно приводили к наказаниям.

Однако и наказания давно стали обыденными. Вообще говоря, по мере того, как и мы, ученики, и сам Учитель становились старше, побои случались все реже и реже - вероятно, потому, что воспитание тридцати своенравных ребятишек физическими методами было занятием, требующим полного рабочего дня.

Разумеется, время от времени одни ученики приходили, а другие покидали школу.

Однако их лица и имена быстро забывались, и никто не стал мне достаточно близким другом, чтобы по-настоящему скучать.

Что касается меня и других Счастливиц, то мы сами старались выбросить из головы любые мысли о том, чтобы уйти из школы.

До тех пор, пока не произошел несчастный случай с Самым Старшим Братом.

ТРАГИЧЕСКОЕ ПАДЕНИЕ

Скорее всего, читателю уже ясно, что в нашей школе травмы отнюдь не были редкостью. И, как я уже говорил, когда они случались, никто не уделял этому особого внимания - и меньше всего сам Учитель. По этой причине, когда Юань Лун повредил лодыжку, Учитель, как водится, просто велел ему подняться, отойти в сторону и покинуть спортивный зал. Все произошло довольно нелепо: неловкое приземление после простого сальто. Такой сильный и крепкий ученик, как Юань Лун, лишь посмеялся бы на этом и продолжал бы занятия, и обычно так и случилось.

Но на этот раз он просто опустился на пол; его лицо побледнело.

- Учитель, я не могу стоять, - напряженным голосом сказал он. - Очень... очень больно. Учитель фыркнул.

- Помогите ему, - велел он Юань Таю и Юань Кваю.

Те подчинились и непроизвольно поморщились от сопереживания, увидев, как Самый Старший Брат судорожно хватается ртом воздух от боли, когда они поднимали его на ноги. Его перенесли в пустой угол, после чего занятия продолжились.

Однако несколько часов спустя мы заметили, что Юань Лун все еще не поднялся. Юань Тай подошел к нему и тут же позвал Учителя.

- Самый Старший Брат потерял сознание! - воскликнул он. Лодыжка Юань Луна раздулась до чудовищного размера, а края мягких тренировочных туфель глубоко впились в распухшую плоть.

Позвав на помощь нескольких учеников, Юань Тай перенес Юань Луна на кушетку в маленькой комнате, а Учитель впервые на моей памяти вызвал врача.

Доктор появился быстро, и его диагноз был очень прост: Самый Старший Брат сломал лодыжку. Хотя со временем он должен был выздороветь, ему предстояло несколько недель пролежать в больнице, а затем долгие месяцы нельзя будет ходить и заниматься тяжелой работой. Учитель нахмурился, но врач многозначительно поднял палец и заявил:

- Он не сможет выступать как минимум два месяца. Чрезмерная нагрузка на еще не выздоровевшую лодыжку может сделать его хромым до конца жизни.

Ничего нельзя было поделать, Учитель вызвал машину, и они с Госпожой отвезли Самого Старшего Брата в больницу.

- Похоже, на это время Самым Старшим Братом становлюсь я, - сказал Юань Тай. - Ладно, продолжаем занятия. - Однако у Юань Тая сердце было не на месте - он слишком беспокоился о том, кто был его лучшим другом с самого начала учебы в Академии.

Я не очень-то любил Самого Старшего Брата. Признаться, обычно я его просто ненавидел. Но теперь... я прекрасно понимал, каково ему сейчас.

Единственным, что нас роднило, была равная любовь к своему делу. Нам нравилось выступать. Мы любили боевые искусства. Нам нравилось быть хозяевами своих тел и уметь прыгать, бросаться вперед, кувыркаться и сохранять равновесие в таких положениях, один вид которых вызывал у обычных людей восторг и благоговение. Если бы мне сказали, что я не смогу выступать целых два месяца, я, пожалуй, просто свихнулся бы.

Должно быть, он пришел в ужас, когда это услышал, но... Я испытывал жалость к Самому Старшему Брату. Я чувствовал жалость и печаль.

В течение следующих двух недель Юань Лун хандрил. Он был прикован к больничной койке, где ему оставалось только пялиться в потолок. Как и все мы, он не очень хорошо читал, а в его палате, скучной комнате с множеством кроватей, не было телевизора. Он томился и очень беспокоился. Он не мог не то, что тренироваться - даже в туалет сходить без посторонней помощи.

Каждый день его навещали разные группы учеников, и всех он встречал угрюмым взглядом и грязными ругательствами.

- Мне не нужна ваша жалость, - орал он и швырял в посетителей всем, что только попадалось под руку.

Медсестры быстро научились уносить его подкладное судно, как только оно наполнялось. Когда пришла моя очередь проведать его, я принес с собой пакет с гостинцами от его бабушки.

- Надеюсь, тебе лучше, Самый Старший Брат, - сказал я, пытаюсь приободрить его.

Он метнул в меня взгляд, полный горькой ненависти.

- Могу поспорить, что ты сейчас на вершине блаженства, - заявил он. - Старший Брат не может ходить, Старший Брат не может выступать, а наш Принц по-прежнему на коне.

Я отложил пакет в сторону и молча смотрел на Юань Луна. Его положение олицетворяло собой самое худшее, что только могло произойти с любым из нас, ведь мы так привыкли к бесконечной и изнуряющей деятельности.

- Мне действительно жаль, что так случилось, Самый Старший Брат, - наконец промолвил я, не зная, что еще сказать.

Юань Лун дотянулся до пакета и махнул рукой в сторону двери:

- Убирайся отсюда ко всем чертям.

Я развернулся и вышел из комнаты.

После нескольких недель, проведенных в больнице, Самый Старший Брат достаточно поправился, чтобы вернуться в Академию. Прихрамывая, он тут же направился в главный зал, уселся в углу и принялся следить за нашей тренировкой.

Время от времени, когда Учитель уходил по делам или навещал друзей, он по-прежнему поручал Юань Луну руководить нашими практическими занятиями, но в отсутствие возможности наказывать нас тот ореол авторитета и страха, какой прежде окружал Самого Старшего Брата, полностью рассеялся.

Бабушка Самого Старшего Брата продолжал присылать своему выздоравливающему внуку гостинцы, и злой на весь мир Юань Лун ни с кем не делился этими сладостями.

Высококалорийные лакомства в сочетании с полной бездеятельностью быстро привели к тому, что он заметно растолстел. Он всегда был коренастым, но теперь все больше раздавался вширь.

Несмотря на неодобрение Учителя, Юань Лун уже не мог прекратить это вызванное раздражением обжорство. Последствия оказались трагичными: даже после того, как лодыжка Самого Старшего Брата полностью зажила и он мог вернуться к обычному режиму, Учитель отказал ему в выступлениях.

- Ты стал слишком толстым! - сказал Учитель. - Как я могу выпустить тебя на сцену? Тебе нужно сбросить лишний вес.

Униженный этим отказом, Юань Лун смолчал, но решение Учителя разъедало ему душу - а это, в свою очередь, привело лишь к тому, что он стал есть еще больше.

В конце концов у Самого Старшего Брата остался только один возможный выбор. Его гордость, которая всегда была соизмерима с его размерами, не могла вынести того, что он превратился в статиста или работника сцены. Несмотря на набранный вес, его мастерство в боевых искусствах ничуть не уменьшилось, и он был чрезвычайно ловок для такого толстого парня. Ему уже приходилось выполнять кое-какие каскадерские трюки для кино - мы, младшие ребята, все еще с нетерпением ожидали такой возможности, - и он прекрасно понимал, что его образцовые бойцовские умения найдут спрос. Пребывание в Академии уже ничего ему не сулило, так что после ухода ему не о чем было бы жалеть.

Мы, Счастливики, и другие старшие ученики толпились вокруг него, пока он упаковывал небольшую сумку с пожитками и готовился к уходу. Судя по всему, это окончательное решение несколько развеяло мрачное настроение Юань Луна - он вновь стал похожим на самого себя, рывал на своих собратьев и даже высказывал предположения в отношении своего блестящего будущего.

Книга 'Я, Джеки Чан' - Издательство СОФИЯ, 1998 (Часть 5 - <http://www.Jackie-Chan.ru>)

- Кино - вот настоящее дело! - говорил он, хлопая себя по ляжкам. - Эпоха оперы проходит. Вспомните, много ли зрителей вы собирали в последнее время? - Он уже относился к своим школьным товарищам как к "ним". - Едва ли половину зала, да и то одних стариков. Ребятки, а что будет, когда они протянут ноги? Нет, нужно двигать туда, где повеселее, - там я сделаю себе целое состояние!

Все мы уже участвовали в киносъемках - правда, не каскадерами, а статистами, хотя иногда исполняли детские роли. Несколько наших опер снимали на камеру, но мы ни разу не видели, что из этого получилось. Мы задумчиво сверяли слова Юань Луна с тем, что видели своими глазами: дешевые декорации, крошечный бюджет и толстобрюхие мужики, крикливо требующие, чтобы мы разошлись по местам. Нам действительно доводилось работать рядом с настоящими кинозвездами, такими, как Ли Ли Хуа, и во время киносъемок у нас не было никаких забот - большую часть дня мы проводили просто сидя на земле. Конечно, это было не так уж тяжело, однако киноиндустрия вовсе не казалась нам волшебным миром. И все же, много ли нам было известно? Мы были мелкими статистами и никогда не занимались таким важным делом, как каскадерские трюки. И, без сомнения, ни в коей мере не являлись кинозвездами.

- Послушайте, ребятки, - сказал Юань Лун, забросив сумку на плечо. - Когда решите выбраться отсюда, отыщите меня. Уж я-то пристрою вас, и вы займетесь настоящим делом, а не этой ерундой, к которой вас принуждает Учитель.

Он похлопал по плечу угрюмого Юань Тая.

- В конце концов, зачем еще нужен Старший Брат? - сказал он.

С этими словами он распахнул дверь и вышел.

НАЧАЛО ВЗРОСЛОЙ ЖИЗНИ

Юань Лун был совершенно прав, по меньшей мере, в одном: число любителей китайской оперы сокращалось, и, хотя Учитель ничего нам не говорил, от этого явно страдал бюджет школы. Учитель все чаще направлял нас на киносъемки как статистами - в то время фильмы с боевыми искусствами приобретали все большую популярность, - так и каскадерами; благодаря могуществу киноимперии братьев Чжоу киноленты о кун-фу становились международным явлением.

Побочным следствием этих съемок стало то, что мы познакомились с реальным миром намного лучше, чем за все предшествующее время жизни в Академии. Общение с каскадерами стало для нас периодом проникновения в мир взрослых - впрочем, этот мир оказался еще "взрослее" обычного, так как в нем был избыток спиртного, азартных игр и прочих способов прожигания жизни. Каскадеры, которые ежедневно рисковали своей жизнью ради нескольких долларов за каждый трюк, относились ко всему весьма философски: если завтра ты можешь погибнуть, то почему бы как следует не пожить сегодня? Бери от жизни все, что сможешь, ведь она очень коротка и никогда не станет такой, какой ты хотел бы ее видеть.

Пребывание рядом с этими яркими, необычными личностями полностью изменило нас. Оно заставило нас понять, что жить можно не только под крылышком своего Учителя и что нам следует как можно скорее стать хозяевами собственной жизни. Кроме того, мы начали встречаться с девушками. И мы узнали очень многое о разнице между "сестрами" и девушками - настоящими девушками.

Однажды Юань Тай, который стал теперь Самым Старшим Братом, созвал других старших братьев на совещание.

- Дело в том, что именно мы зарабатываем денежки, - начал он, прислонившись к стене на традиционном месте наших встреч, в пустынной аллее позади Академии. Одни старшие ученики согласно закивали, но другие выглядели встревоженными.

- Я думаю, у нашего Учителя неприятности, - сказал Юань Бяо. - Я имею в виду, что никогда раньше не видел его таким.

- Может, он заболел? Он уже несколько дней никого не трогает, - добавил Юань Квай, и тут же расхохотался над нелепостью собственного утверждения.

Однако это было правдой. С недавнего времени Учитель стал намного мягче в отношении дисциплины, как будто сам пал духом.

- Ну, в любом случае, именно мы ставим себя под удар, - продолжал Юань Тай. - Я думаю, мы должны получать хоть какую-то часть того, что зарабатываем. Не все, конечно, но чуть больше, чем сейчас.

- Это точно, у нас тоже есть свои расходы, - с самодовольным видом согласился один из старших братьев.

Меня раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, из каждых заработанных семидесяти пяти гонконгских долларов мы получали всего пять, и это было возмутительно: для малыша это означало целую горсть конфет, но для подростка - скудную мелочь. С другой стороны, давно стало ясно, что школа уже перестала быть такой, как прежде: новые ученики не появлялись, а их общее число постепенно уменьшалось по мере того, как старшие один за другим покидали ее стены.

К тому же какой бы неприятной ни была эта мысль, но Учитель старел.

После дальнейшего обсуждения мы разработали план: Самый Старший Брат попросит Учителя выслушать нас и сообщит ему наши требования, но при этом каждый из старших учеников тоже произнесет хотя бы одну фразу. С помощью такого группового выступления мы сможем высказать то, что ни один из нас не посмел бы сказать сам. Мы отрепетировали свои фразы и, набравшись смелости, постучали в зверь комнаты Учителя. Учитель открыл нам с бесстрастным выражением лица,
- Добрый день, ребята. Входите.

Мы вошли в его комнату, внезапно потеряв уверенность в себе. Наконец Юань Таю хватило мужества открыть рот.

- Учитель, мы... мы тут поговорили... - дрожащим голосом начал он. - Я имею в виду нашу оплату... мы стали старше, и нам уже не хватает этих денег...

Учитель отвернулся, пряча от нас свое лицо:

- Я понимаю.

На несколько минут в комнате воцарилась полная тишина. Мы ощутили, как мучительное бремя этой просьбы ложится на наши собственные плечи. Все давно позабыли те фразы, которые должны были произнести.

Учитель вновь медленно обернулся к нам.

- Вы уже стали мужчинами, - сказал он. - У вас выросли крылья. И вы готовы улететь. - Его глаза наполнились слезами.

Он добавил, что с этого дня мы будем получать тридцать пять долларов из тех семидесяти пяти, что зарабатывали на съемках.

Мы горячо поблагодарили его и, толпясь, вышли из комнаты. Дверь за нами захлопнулась.

- Тридцать пять долларов! - радостно завопил Юань Тай. - Это ведь почти половина! Все оказалось намного проще, чем я думал.

Остальные принялись болтать о том, как распорядятся таким богатством, но я испытывал смутную тревогу.

Не знаю почему, но в тот момент, когда Учитель захлопнул за нами дверь своей спальни, мне показалось, будто закончилась целая глава нашей жизни - а может быть, и вся история.

ТРЕТЬЕ ПРОЩАНИЕ

Мое ощущение не обмануло меня. Эпоха оперы действительно закончилась. Юань Лун верно описал основные тенденции, но я по-настоящему ощутил это только после падения власти Учителя. Из фундамента китайской народной культуры опера превратилась в причудливое традиционное искусство, которым наслаждались только знатоки и пожилые люди. В современном Гонконге уже не оставалось места для таких заведений, как школа Учителя Ю, а методы обучения Академии Китайской Драмы все чаще считались устаревшими и даже варварскими. В том быстром и обращенном лицом к будущему стиле жизни, к которому переходил новый Гонконг, необходимым условием выживания становилось настоящее образование, основанное на буквах и цифрах.

Наше поколение учеников было последним из тех, что выросли в опере; мы были последними, кого отделяли от улицы только владение боевыми искусствами и умение играть в театре. Я не могу сказать, что сожалею о том, что эта эпоха закончилась. Я смотрю на современных молодых людей, вижу, на что они способны, и думаю о том, что стал бы таким же, родился я двадцатью годами позже. Я знаком с тем, как пользоваться кино- камерой, как руководить съемками и исполнять обязанности режиссера, но ничего не смыслю в трехмерной анимации или оцифрованных изображениях - во всем том, благодаря чему возникает голливудский кассовый фильм... Что ж, из мальчишка, едва знакомого с математикой, я превратился в мужчину, не имеющего ни малейшего представления о компьютерах.

Я умею делать все только так, как меня учили: по-настоящему, вкладывая в это всю свою жизнь и ставя на кон свою репутацию. Я утешаюсь мыслями о том, что в один прекрасный день все же смогу освоить компьютерную графику.

Однако ни один голливудский режиссер никогда не научится прыгать на бетонное покрытие с высоты ста футов - и оставаться в живых.

По мере того как ученики один за другими уходили, а Академия приходила в упадок, мы уже не могли закрывать глаза на неизбежное. Прежних поводов для представлений, на которые раньше полагался Учитель, - свадеб и праздников в парке развлечений Лай Юань - тоже становилось все меньше и меньше. Другие школы закрывались, профессиональные оперные труппы разваливались, а опытным и талантливым людям, которые внезапно лишились своего ремесла, не оставалось иного выхода, как податься в кино. Мы с остальными старшими братьями несколько лет работали на компанию братьев Чжоу и на другие студии в качестве младших каскадеров. Однако переход от насыщенных переживаниями оперных выступлений к кинопромышленности означал также и резкое усиление конкурентной борьбы за рабочие места. Прежде нам всегда находилось занятие, но теперь Учитель с большим трудом подыскивал для нас новую работу. И, несмотря на все способности и мастерство, ни один из нас еще не сумел добиться выдающегося положения. Казалось, что Счастливики - звезды нашего крошечного и постоянно уменьшающегося мирка - были обречены на то, чтобы полностью затеряться в огромном и стремительном мире кино.

Я был очень обязан своему Учителю, и все же решил, что мне тоже пора уходить. Я понимал, что смогу найти что-то получше той жалкой работы, какую удавалось находить для нас ему. Я знал, что мое предназначение совсем не в том, чтобы оставаться в толпе статистов или быть безымянным каскадером. Я не уходил раньше, так как прекрасно понимал, что не буду иметь никаких шансов в вырвавшейся толпе - теперь таких, как я, было очень много, и все они состязались за все более неуловимые возможности.

Рассказывая об этом Учителю, я не тратил лишних слов, зная, что он отнесется с уважением только к чистой правде. Большинство других Счастливики, вместе с которыми я рос, уже ушли. Я оставался в школе, так как был предан Учителю и не хотел оставлять Юань Бяо одного. Но теперь он вырос, а Учителю, как и всем остальным, приходилось смотреть в

глаза фактам.

Учитель воспринял весть о моем уходе с усталым пониманием. Он вынул из измятой пачки сигарету, прикурил ее и глубоко, затянулся:

- Хочешь сигарету, Юань Ло?

Я неловко переминался с ноги на ногу и покачал головой.

- Помнится, когда-то мои сигареты тебе очень, очень нравились... - сказал он, погрузившись в воспоминания. - Что ж, когда разум готов, тело должно следовать за ним. Желаю тебе удачи.

Я провел рядом с этим недоступным и властным человеком целых десять лет, и он никогда не позволял себе иных проявлений доброты, чем сухая улыбка или поглаживание по голове. Только что я сказал ему, что ухожу и мы, возможно, никогда больше не увидимся, а он вел себя так, будто я просто отправляюсь на прогулку во дворе.

Разлука не вызвала у меня ни боли, ни слез. И все же это натянутое расставание и скупое пожелание удачи оставили во мне глубокое и неослабевающее ощущение потери. Мне не хотелось оставаться здесь дольше, и я взвалил на плечо свою сумку.

- До свидания, Учитель, - сказал я и развернулся. Учитель подошел к дверям проводить меня.

- До свидания, сынок, - сказал он.

Затем дверь закрылась, и только прозрачно-голубой сигаретный дым напоминал о том, что только что здесь стоял Учитель.

СТАРЫЙ УЧИТЕЛЬ

Конечно, мы с Учителем встречались и после этого. К тому времени мы поменялись ролями: он был старым и немощным, а я - мужчиной в расцвете лет и карьеры. Его семья переехала в Соединенные Штаты и поселилась в Лос-Анджелесе, где он преподавал боевые искусства и классическую оперу в местном культурно-спортивном центре. В Гонконге осталась его дочь Ю Со Чоу. Она стала одной из величайших актрис раннего кантонского кинематографа - весьма известной, так как однажды о ней сказали, что не найдется такого человека старше двадцати пяти лет, который не слышал бы ее имени, и совсем мало тех, кто не видел бы ее лица на голубом экране.

В 1988 году, по случаю своего дня рождения, Учитель приехал в Гонконг, и все его ученики устроили ему вечеринку. На этом празднике он выглядел очень бодрым, таким же деятельным и резким, как в те времена, когда ужасал нас, детей.

Он вернулся в Америку, и с тех пор мы очень долго не получали от него никаких известий.

Болезнь Альцгеймера началась у него внезапно и развивалась очень стремительно.

Восьмого сентября 1997 года преклонный возраст и разрушительное влияние времени унесли его из этого мира.

Вернемся, однако, к той вечеринке в 1988 году: когда все мы вновь собрались вместе, я поразился тому, как много наших проникло в мир кинематографа - и как много из них достигли самых вершин. Если присмотреться к современному кино, то имя "Юань" можно встретить почти в каждом гонконгском фильме.

Таким образом, можно сказать, что Учитель Ю был не только моим названным отцом, но и приемным отцом всей кантонской кинопромышленности.

Неплохое наследие, верно?

ПРОРЫВ

Так я впервые в жизни остался один - и ни от кого не зависел. Мне исполнилось семнадцать лет, я был в расцвете юности и исполнился решимости добиться успеха, имени и, быть может, даже славы в диком и прекрасном городе Гонконге. Однако сначала мне нужно было покончить с кое-какими незавершенными дела-

Дело в том, что, задумав уйти из школы, я позвонил родителям и сообщил им, что срок десятилетнего договора с Учителем скоро подходит к концу. Отец тут же сказал, что мне следует приехать к ним с мамой в Австралию.

Но я всю жизнь провел под присмотром взрослых и не собирался упускать возможность поднять немного шума.

- Кон Сан, тебе здесь понравится, - сказал отец. Его хриплый голос прерывался статическим шумом международной связи. - Я уверен, что смогу устроить тебя на работу, и, разумеется, ты поживешь с нами, пока не сможешь снять квартиру.

- Я тебя совсем не слышу, папа, - сказал я, хотя расслышал его слова вполне ясно.

- Кон Сан? - Он повысил голос. Я отодвинул трубку от уха и поморщился.

- Папа, я не приеду.

- Связь плохая. Мне показалось, ты сказал, что не собираешься приезжать.

- Не собираюсь.

- Нет, ты приедешь, - настаивал он знакомым жестким тоном. - Срок договора истекает, оперных труп уже почти не осталось, а ты уже достаточно взрослый, чтобы заработать себе на жизнь. Здесь, в Австралии, очень много рабочих мест и хороших возможностей.

- Я уже устроился на работу, папа, - возразил я. - Я снимаюсь в кино. Я - каскадер.

- И сколько, по-твоему, ты сможешь заработать, снимаясь в кино? - спросил он.

Я понял, что не имею об этом ни малейшего представления. Прежде все гонорары за наши съемки получал сам Учитель, а тех денег, которые доставались нам, едва хватало на лакомства. Смогу ли я прожить на заработок каскадера? Быть может, это чистое безумие?

- Ты не продержишься, - сказал отец, прервав мои размышления.

Ничто не придавало мне больше решительности, чем чьи-то слова о том, что что-то является невозможным.

- Разумеется, я прекрасно справлюсь, папа! - сказал я. - Честно говоря...

Я запнулся, так как меня вдруг осенило: теперь я в точности знал, что именно сможет заставить моего отца смириться с тем, что я останусь здесь - если я действительно этого хотел. А я этого хотел. Хотел ли?

- Честно говоря, я хочу остаться в Гонконге, потому что уже подписал контракт с одной киностудией. Я буду работать на них. По контракту, - повторил я.

На другом конце провода воцарилось молчание. Я уже говорил, что мой отец был родом из Шаньдуна, а жители этой местности славятся двумя качествами: они всегда бесстрашно встречают смерть и никогда не нарушают своих обещаний. Контракт - и даже устный договор - был нерушимым, каким бы несправедливым он ни оказался, какую бы цену за это ни пришлось заплатить. Именно поэтому отец не забирал меня из школы, хотя у него уже давно хватало средств, чтобы увезти меня в Австралию. Что бы со мной ни случилось -

- даже если бы я покалечился, - я был обречен на пребывание в школе согласно тому договору с Учителем, который подписал мой отец. А если бы я убежал и каким-то чудом добрался к нему в Австралию, он просто убил бы меня. Ни один сын Шаньдуна не достоин жизни после такого унижения, и ни один отец не вынес бы подобного проявления трусости со стороны своего сына.

Итак, если у меня есть контракт, мне нельзя уезжать. Я обязан выполнять условия своего соглашения.

- На какой срок ты подписал контракт, Кон Сан? - спросил отец после долгой паузы.

Я выпалил первое, что пришло в голову:

- На два года, папа.

- И где ты будешь жить эти два года?

- Я... э-э-э...

Он меня поймал. Я не мог оставаться в школе, да и к тому же при таком массовом уходе учеников школа вряд ли просуществует долго. Мы часто слышали, как Учитель рассуждает о возможности уехать из Гонконга и начать все заново в каком-нибудь настолько отсталом в культурном отношении месте, где еще ничего не знают о китайской опере, - к примеру, в Лос-Анджелесе.

- Кон Сан, нарушение уже подписанного соглашения стало бы постыдным,- сказал отец. - Однако еще позорнее будет, если моему сыну придется ночевать на улице.

Я понимал это. Он собирался потребовать, чтобы я расстался с Гонконгом и со своим последним шансом на свободу.

- Я думаю, - продолжал он, - у меня нет иного выбора: я куплю тебе квартиру.

- Но, папа, если я уеду в Австралию, то... - Тут я задумался о том, что он только что прокричал сквозь помехи. - Прошу прощения, связь очень плохая... Мне показалось, ты только что сказал, что собираешься купить мне квартиру?

- Точно, - подтвердил он. - Не надо!

- Не спорь, - сказал он, и я мог бы поклясться, что он улыбался. - Можешь считать это подарком в честь окончания школы.

Итак, в тот день, когда я окончательно покинул стены Академии, мне было куда пойти: у меня была собственная квартира. Она была крошечной и не очень уютной, но моей - и это был мой дом. Мой первый собственный дом, ведь я всю жизнь провел в чужих домах и, живя под их крышей, подчинялся чужим правилам. Однако я был царем своей маленькой квартирке на семнадцатом этаже по улице Ксин Пу Чжиан: теперь я мог и ложиться, и вставать когда захочу.

Эта квартира обошлась отцу в сорок тысяч долларов гонконгскими деньгами - в то время такая сумма была для него огромной. Это был лучший подарок, какой он когда-либо мне сделал, и я никогда не забуду этой щедрости.

Я до сих пор остаюсь владельцем этой квартиры. Я подумывал о том, не продать ли ее, но отец сказал, что в этой квартире, должно быть, очень сильный Фэн-шуй, так как с тех пор, как я поселился здесь, мне очень везло. Может быть, он прав, но я не очень сентиментальный или суеверный человек. Я передумал продавать эту квартиру, и все же пригласил агента по продаже недвижимости, чтобы оценить ее. Мне сказали, что я могу выручить за нее более трех миллионов гонконгских долларов. Можете представить себе, как изменился Гонконг за последние три десятилетия!

Прежде всего, жизнь там стала намного дороже.

ВИД ИЗ ОКНА

Первая ночь в новом доме выдалась очень странной.

Мебели у меня еще не было, и я улегся на пол - это, впрочем, было привычным.

Единственным новым ощущением стало чувство одиночества в темноте, Без приглушенного посапывания других учеников, храпа Самого Старшего Брата и поскрипываний старого деревянного пола под ворочающимися телами ночь казалась поразительно тихой.

Я никак не мог заснуть, и потому поднялся, пересек комнату и подошел к окну, которое выходило на улицу. Стекло было покрыто древним слоем пыли, но сквозь него все равно были видны огни внизу: мигающие неоновые рекламы и случайные вспышки автомобильных фар.

Я с побряхтыванием потянул окно, сражаясь с пылью и старой краской, залепившими раму. Наконец мне удалось открыть его, и ночь ожила шумом. Хотя моя квартира находилась высоко, звуки ночного Коулуня доносились и сюда.

Гонконг всегда был людным городом, но сейчас столпотворение на его улицах стало невероятным. В нем всегда царила суeta, но теперь улицы кишели непрерывным движением. На улицах разворачивались все те события, от которых предостерегают молодых людей, если только они хотят дожить до зрелого возраста: здесь были женщины, спиртное, наркотики, драки и азартные игры - извечные азартные игры.

Наступили семидесятые годы, когда Гонконг только начинал превращаться в настоящую экономическую силу, в одного из азиатских. “Маленьких Драконов”. Послевоенный приток беженцев дал мощный толчок росту промышленности на острове, обеспечив ее рабочей силой, которая сначала проливала свой пот в крошечных полуподвальных мастерских, а затем переместилась на крупные фабрики, где производили одежду, игрушки и пластмассу. Некоторые люди стали очень богатыми, но и те, кто еще не достиг большого успеха - владельцы магазинов, деловые люди и лавочники, - верили в то, что решительность и тяжкий труд принесут им удачу.

Город, в честь которого меня называли, разрастался. Мы станем достаточно большими, чтобы покорить мир, - я верил в это от всего сердца.

Той ночью, высоко над улицами Коулуня, я дал клятву: я - Чан Кон Сан родом из Шаньдуна, сын Гонконга. Я справлюсь. Я добьюсь успеха. И все они - мои предки, мой город, мой отец, - когда-нибудь будут гордиться мной.

С такими мыслями я прикрыл окно, свернулся на полу своего нового дома и уснул.

Вот с чего я начал: мечтательный подросток с квартирой и без работы. Поскольку я покинул Академию одним из последних старших учеников, у меня не было никаких сведений о тех братьях, которые “окончили школу” передо мной. Слухи о том, что я неподалеку, рано или поздно дойдут до них: мир гонконгского кино был достаточно тесным, и все в нем постоянно пересекались друг с другом. Однако пока мне оставалось только ждать. Первые дни своей независимой жизни я потратил на изготовление мебели - столов, стульев и полок - из выпрошенных у домовладельца обрезков досок.

Домовладелец был добродушным пожилым господином; время от времени он приглашал меня к себе выпить чаю, рассказывал мне разные истории о своей юности и поучал отеческим тоном.

- Сейчас Гонконг стал скверным местом для молодого человека, Кон Сан, - предупреждал он меня. - Тебе нужно быть очень осторожным и держаться подальше от опасных людей.

“Опасными” для него были все, от уличных подонков до “девочек с букетами”, - включая тех квартирантов, которые не платили за жилье вовремя. Думаю, если бы я последовал его советам, то просто сидел бы вечерами в своей квартире, беседуя с совершенно безопасными тараканами. Однако это было не в моем духе. Кроме того, теперь у меня появился один повод, ради которого нужно было выбиться из дому, - и это была лучшая на свете причина. Ее звали О Чан.

ЖЕНЩИНЫ И ПРОЧИЕ ЗАГАДКИ

О Чан вошла в мою жизнь, когда я только стал подумывать об уходе из школы. Честно говоря, если бы не она, я мог бы остаться в Академии и дольше - до тех пор, пока она не развалилась бы окончательно, что произошло через каких-то несколько месяцев после моего ухода.

Она была моей первой подружкой, первой любовью и самым приятным воспоминанием о тех первых днях свободы.

Я уже говорил, что заинтересовался девушками достаточно поздно. Впрочем, так случилось не только со мной: все мальчишки Академии довольно медленно сообразили, что эти нежные, приятно пахнущие создания, которых называют женщинами, совсем не похожи на нас - и это было замечательно.

Разумеется, в школе мы не могли удовлетворять свое сексуальное любопытство; как уже говорилось, наши сестры были именно сестренками, и мы просто не могли думать о них как о девушках.

Однако когда мы стали достаточно взрослыми, чтобы регулярно работать вне стен Академии, все изменилось. В конце концов, это был Коулунь, и по дороге на студию, где мы выполняли каскадерские трюки, и обратно, мы имели возможность насмотреться на совершенно иной тип женщин.

Они были красивыми и ухоженными, а их волосы были аккуратно причесаны. Они носили роскошные платья из вышитого шелка и красили лица - однако их макияж очень отличался от театрального грима.

- Вы только гляньте! - воскликнул Юань Тай однажды вечером, когда мы шли по улице. Мы с Юань Кваем тащились вслед за ним усталые и измученные долгим рабочим днем статистов в фильме с боевыми искусствами. Несмотря на нашу суровую подготовку, положение младших каскадеров означало, что нам придется выполнять самую тя-желую работу. Мы выполняли трюки, которые так и не входили в фильм, были на побегушках у постановщика трюков и, самое унижительное, играли в фильме мертвецов, неподвижно лежащих ничком на земле долгими часами. К моменту возвращения домой мы были с ног до головы покрыты потом и грязью.

Юань Тай остановился и с восторгом уставился на это чудо. Мы никогда прежде не видели такой высокой женщины - ростом она походила на иностранку, но у нее были иссиня-черные волосы, мягкими волнами опускающиеся на открытые плечи. Ее тело... девочки, рядом с которыми мы жили, скрывали свои формы под мешковатыми спортивными костюмами, и единственной, с кем мы могли сравнивать ее фигуру, была Госпожа... однако тут и сравнивать было нечего.

Мы замерли, подобно Юань Таю, а женщина переступила с одной ноги на другую, и ее тело обтянулось разноцветным платьем.

- Эй, красавица, - томно произнес Юань Тай, пуская в ход все свое очарование. Женщина скользнула взглядом по нашей мятой и грязной одежде и угловатым подростковым фигурам. Ни слова не сказав, она развернулась и поплыла к озаренному неоном входу ближайшего клуба.

- Что такое? - жалобно воскликнул Юань Тай. Мы с Юань Кваем ухватились друг за друга, чтобы не свалиться на землю от хохота.

- Похоже, ты не в ее вкусе, Старший Брат, - заметил я.

- Женщинам такого сорта по вкусу каждый, - возразил Юань Квай. - Это ведь "курочка".

- Что такое "курочка"? - озадаченно спросил я.

- Женщина, которая делает это за деньги, малыш, - презрительно фыркнул он. - Но я не думаю, что это лакомство окажется по карману таким голодранцам, как мы.

Юань Тай сердито пнул ногой бордюрный камень и вновь зашагал вперед с мрачным выражением лица.

- Идите вы к черту, - сказал он. - От всех этих разговоров о курочках мне уже есть захотелось. Пойдем домой.

На обратном пути в школу мы улюлюкали и кудахтали, пока он не пригрозил, что преподаст нам урок уважения к старшим, если мы не заткнемся.

Несмотря на печальный исход его встречи с Богиней, в ту ночь Юань Тай никак не мог заснуть. Свет уже давно выключили, но он все еще продолжал что-то бормотать про себя, утешая свое уязвленное самолюбие и проклиная женские капризы.

- Она была красивая, правда? - шепнул мне Юань Квай. - Старик, если бы мы не застряли здесь, то постоянно видели бы таких женщин, верно?

- Думаю, да, - откликнулся я и натянул одеяло на голову.

- Я имею в виду, что, будь у нас деньги и хорошая одежда, мы стали бы большими людьми, - продолжал он, стягивая с меня одеяло. - Мы ведь уже почти кинозвезды!

- Да, пожалуй, это было бы весело, - пробормотал я. - Поцелуйчики и все такое прочее.

- Поцелуйчики? - Юань Квай сдавленно хихикнул и сунул руку под одеяло. - Угу, она чмокнула бы меня прямо сюда, братец!

Юань Тай оторвался от своих мучений ровно настолько, чтобы отвесить Юань Кваю быстрый пинок.

- Почему бы тебе не поспать, задница? - поинтересовался он. - Все равно ты сможешь оказаться рядом с женщиной только во сне.

- Кто бы говорил, Старший Братец, - возмутился Юань Квай. - Эй, цып-цып-цып...

Раздались приглушенные звуки борьбы: Самый Старший Брат набросил свое одеяло на голову Юань Кваю и принялся лупить его в живот. Все остальные повернулись на бок и перекатились подальше от этой воинственной парочки.

Мне не хотелось признаваться Юань Кваю в том, что я не знаю, что делать с женщиной, даже если мне доведется оказаться рядом с ней. Юань Тай и Юань Квай всегда разыгрывали из себя взрослых; заведя женщину нестрогих правил в соблазнительном наряде, они начинали вздыхать и отпускать непристойные замечания. Однако, закрывая глаза, я видел девочек, похожих на мою давнюю подружку - дочь посла из особняка на Виктория-Пик. Это были милые и тихие девушки, которые любили поболтать, помечтаться и послушать мои рассказы. Это были нежные и спокойные женщины, похожие на мою мать и нашу Самую Старшую Сестру, которая всегда заботилась обо мне, - женщины, которых я мог бы защищать от напастей, как отважные фехтовальщики из моих детских сказочных книг.

Можете считать меня старомодным типом, неисправимым романтиком или человеком, отставшим от жизни, но в те дни все мальчишки думали только о сексе, а я со-вершенно об этом не задумывался.

Во всяком случае, очень редко. Но я действительно мечтал о том, чтобы найти кого-то, кто будет лучше других понимать меня, заботиться обо мне и всегда оставаться рядом. И я действительно считал, что не так уж много хочу.

На следующий день Учитель решил, что я буду представлять Академию на особой выставке, где мне предстояло продемонстрировать посетителям-иностранцам те умения, которым учили в нашей школе. Хотя все виды оперы Китая возникли из единого источника, эта страна очень велика, и потому в разных районах появились разновидности этого искусства: наиболее традиционная пекинская опера, которую преподавал наш Учитель, - кантонская опера, развивавшаяся в южной части Китая.

Хотя на мои плечи легла огромная ответственность, я отнесся к этому событию не очень-то серьезно - скорее всего, иностранцы окажутся слишком тупыми, чтобы отлить хорошую оперу от плохой. По этой причине поездка стала для меня чем-то вроде выходного дня, то есть возможностью расслабиться, пропустить занятия и, быть может, потратить драгоценные карманные деньги, если мне встретится что-нибудь аппетитное.

Поездка в автобусе к тому залу, где проходила выставка, была долгой и скучной, и я успел и вздремнуть, и поразмышлять - впрочем, совсем немного - о девушках. Я как раз решил, что они не стоят связанных с ними забот, но тут автобус достиг места назначения. Я едва успел выскочить в двери, когда автобус уже тронулся с места.

- Не спи в автобусе, глупышка, - выкрикнул водитель, когда я, спотыкаясь, очутился на тротуаре. Обернувшись, чтобы сказать в ответ что-нибудь колкое, я почувствовал, как натолкнулся на чье-то мягкое тело, владелец которого тихо вскрикнул, и мы оба шлепнулись на землю. Лепеча какие-то извинения, я попытался освободиться от своей нечаянной жертвы и тут заметил, что передо мной - очень симпатичная девушка примерно моего возраста.

Она не была такой красивой, как та "курочка". У девушки были мягкие черные волосы, прихваченные на затылке в простой "хвостик"; на ней было чистенькое, но простое платье, а фигурка - мне совершенно случайно удалось к ней прикоснуться - была изящной и миниатюрной. У нее были огромные, чистые, как зеркала, глаза, выражение которых отражало не столько испуг, сколько смущение и удивление.

- Прошу прощения! - слишком громко воскликнул я, мгновенно отбежав чуть в сторону. Она все еще сидела на земле и отряхивала платье.

- Ничего страшного, все в порядке, - с улыбкой ответила она. - Похоже, ты очень торопишься...

Заливаясь краской, я помог ей подняться.

- Да нет, не очень, - пробормотал я. - Я имею в виду, ничего такого особенного.

Это было очень странно: обычно я не испытывал трудностей в общении, но, стоя перед этой незнакомой и симпатичной девушкой, чувствовал, как мой язык тяжелеет, словно наливаясь свинцом.

- Прошу прощения.

- Ты это уже говорил, - заметила она и уставилась в землю. На ее бледных щеках возникли два ярких пятна румянца. - Мне пора идти. Ходи осторожнее, а то свернешь шею себе или кому-то другому!

Она махнула мне рукой и быстро двинулась прочь.

Мне оставалось только стоять с разинутым ртом. Меня переполняли такие чувства, каких я никогда прежде не испытывал: как будто я только что выпил целый галлон теплого, сладкого, как молоко, сиропа - по животу и горлу расползлось ощущение сладостной муки. И я словно окаменел, хотя понимал, что она уходит, и если я никогда больше ее не увижу, то просто умру.

Каким-то чудом мне удалось вновь овладеть собой и выбросить из головы все посторонние мысли - если мне удастся подружиться с этой девушкой, иностранцы и их праздное любопытство в отношении китайской оперы могут катиться ко всем чертям. Такая девушка стоит любых наказаний со стороны Учителя и даже дня без еды. И недели. Целого года!

Я помчался за ней, свернул за угол и увидел, что она присоединилась к небольшой группе одетых в такие же платья девушек, которые входили...

Они входили в тот самый зал, где я должен был выступить!

Я окинул взглядом свою еще недавно отстиранную и выглаженную, но сейчас измятую и грязную одежду. Если она окажется в числе зрителей, я вложу в выступление всю свою душу, все свое мастерство, Мое сердце вырывалось из груди, когда я гордо прошествовал в зал для выступлений.

В дверях стоял один из организаторов выставки, облаченный в традиционный костюм.

Он выглядел встревоженным. Заметив меня, несколько потрепанного парнишку, он махнул рукой, предлагая мне выйти, но я быстро поднял руку и сообщил:

- Я от Учителя Ю Джим-Юаня из Академии Китайской Драмы. Меня зовут Юань Ло. Мне сегодня выступить.

Он смерил меня взглядом:

- Что с тобой случилось?

Я пожал плечами:

- Попал в аварию.

Он схватил меня за плечо и быстро повел по боковому коридору, торопливо нашептывая на ухо, что иностранцы уже расселись и ждут начала выступлений. Мне предстоит выступить вторым, так что представление задержали до моего появления; как я мог так унижить Учителя Ю - опоздать и прийти таким грязным?!

Меня уже ничего не волновало. Все мои мысли сосредоточились на девушке и на том, как ее найти.

Оказавшись за кулисами, я увидел нескольких ребят: они растягивались, тихо переговаривались и надевали костюмы. Мое выступление представляло собой главным образом демонстрацию акробатических трюков и головокружительных поз, и потому мне не нужно было гримироваться или надевать особый наряд, однако другим предстояло показать краткие сценки в полном облачении, и они уже стояли за сценой во всей своей красе. Я внимательно вглядывался в лица, пытаюсь отыскать среди них свою девушку. Замечавшие мой взгляд мальчишки смотрели на меня с вызовом, а девочки смущенно отворачивались или обворожительно вспыхивали - впрочем, совсем не так привлекательно, как та, кого я искал. Неужели я ошибся?

Тут я услышал рукоплескания и понял, что программа уже началась. Осторожно подойдя к драпировкам из тяжелой ткани, отделявшим нас от сцены, я слегка раздвинул их и заглянул в зал. На сцене в неподвижных позах безмолвно замерла группа девочек, и в тот же миг за сценой заиграл оркестр.

Девушки закружились в такт музыке и начали разыгрывать свою миниатюру, а мне удалось заметить лицо главной исполнительницы.

Это была она!

Она оказалась одной из нас, оперных актеров, и, судя по тому, как реагировали на ее выступление сидящие среди зрителей китайцы, она была настоящей звездой. Когда она перемещалась по сцене, каждое ее движение, каждый жест были исполнены изящества; вскоре она запела живую песню о любви и ее испытаниях. По стилю ее исполнения я понял, что она занимается оперой провинции Цзячжоу, но таким голосом можно было не менее элегантно петь и популярные песни.

Когда песня закончилась и труппа вновь неподвижно застыла на сцене, я осознал, что едва дышу. Прежде я видел выступления своих сестер, однако они всегда выглядели маленькими девочками в гриме и наряде взрослых людей. Но эта девушка, которая показалась мне ровесницей, когда я сбил ее с ног, выглядела сейчас настоящей женщиной, принцессой, хотя на ее лице не было ничего, кроме легкой пудры и прекрасной улыбки.

- Эгей! - прошептал кто-то мне в ухо. - Чего пялишься? Твой выход!

Я отпрыгнул назад. Как я мог забыть?! Я пришел сюда, чтобы выступить, а не развлекаться, и я надеялся - по какой-то причине я даже был совершенно уверен, - что эта девушка будет смотреть на меня так же, как я смотрел на нее.

Организатор выставки закончил краткий рассказ о моей школе, Учителе и о том стиле оперы, который я собирался показать. Когда зрители поприветствовали меня вежливыми аплодисментами, я испытал странное ощущение вскипающей во мне энергии. Я стал неуязвимым, несравненным, я был принцем своей школы и царем сцены. Я покажу всем этим людям, и в особенности этой девушке, на что способен ученик Учителя Ю!

Под раскаты барабанной дроби я одним кувырком перенесся на сцену, перешел в великолепную стойку на руках, а затем с притворной неуклюжестью рухнул в позу пьяницы. Играя старика с воображаемым кувшином вина под мышкой, я сражался с незримыми врагами, а затем, сделав сальто назад, перевоплотился в Сунь У-Куна, Царя Обезьян - мое тело стало ловким и гибким, как у мартышки. Я становился то генералом, то ученым, то обезумевшим от жажды мести воином. Не говоря ни слова, не пользуясь ни костюмами, ни оружием, я поочередно воплощался во всех персонажей, которых когда-либо играл на крошечной сцене в парке развлечений Лай Юань, - и все это происходило в полном согласии с музыкой и в таком великолепном исполнении, что даже Учитель несомненно кивнул бы головой и улыбнулся. Музыка достигла кульминации, оркестр перешел к финалу, и с последним жестом, выражающим непокорность всему на свете, я исполнил три стремительных сальто подряд и исчез за кулисами.

Зал взорвался аплодисментами. Мне было жаль тех исполнителей, которым придется выходить на сцену после меня, - им очень не повезло в том, что мое выступление было поставлено в самое начало программы. В тот день зрители - особенно те иностранцы, которые осмелились скучать во время чудесного пения моей девушки, - запомнили только меня.

Я уже думал о ней как о своей девушке! Но я даже не знал ее имени. Я перевел дух, свернул в коридор и отправился в помещения за сценой. Девушка с "хвостиком" стояла у края занавеса и смотрела на сцену.

- Привет, - ласково сказал я, прикоснувшись к ее плечу. Это была та самая девушка - моя девушка, - и, увидев меня, она залилась краской смущения. - Смотрела, как я выступал? Она кивнула.

- Ты был просто замечателен, - сказала она и вновь улыбнулась мне, легко встряхнув головой.

- А ты еще лучше, - совершенно искренне ответил я. Организатор, который помогал остальным участникам поправить наряды, метнул в нас недовольный взгляд. На сцене проходило выступление, и шум за сценой не только был невоспитанностью, но и, как считалось, приносил неудачу. Прижав палец к губам, я схватил девушку за запястье и увлек за собой вдоль по коридору, который выходил в холл.

Когда мы оказались там, я отпустил ее в надежде, что она не убежит. Но она просто смотрела на меня с той смесью восхищения и смущения, которое так очаровало меня в момент нашего знакомства.

- Извини, что я налетел на тебя тогда, - сказал я, вновь почувствовав, что немею.

- Извини, что оказалась на пути, - с улыбкой сказала она. Мы опять замолчали и просто смотрели друг на друга.

- Ты откуда? - спросил я, надеясь узнать ее адрес или, по меньшей мере, тот район, где я смогу отыскать ее. Она сказала, что ее школа находится в Коулуне, неподалеку от нашей, но она живет с родителями; это означало, что ее обучение было не таким суровым, а жизнь - не такой уединенной, как наша. Я сообщил, что моя Академия тоже расположена в Коулуне, и едва открыл рот, чтобы поинтересоваться, когда мы сможем увидеться опять, дверь в коридор распахнулась, и оттуда выпорхнула стайка других девушек. Как свойственно женским компаниям, они тут же уставились на нас и принялись перешептываться.

- Пойдем, Госпожа велела, чтобы мы вернулись в школу сразу после выступления! -

крикнула одна из этих девушек, дергая мою новую подругу за рукав. - Не трать время на болтовню с мальчишками. Мы опоздаем на автобус!

- К тому же тут и болтать не с кем, - шепнула другая, и я густо покраснел. Подталкивая мою девушку вперед, группа начала сплетничать уже на выходе.

Я внезапно понял, что так и не узнал ее имени!

- Эй! - воскликнул я, бросившись за ними и выскочив в двери. Девушки уже стояли на остановке, а двухъярусный автобус распахнул перед ними дверцы. - Подожди! Меня зовут Юань Ло, а тебя?..

Девушки энергично заталкивали мою подружку в автобус и строили мне рожи. Я был в ужасе

- мне уже не догнать ее. Быть может, никогда.

Тут я услышал звонкий голос, прорвавшийся сквозь рев мотора.

- Меня зовут О Чан! - сказала она, высунув голову из открытого окна.

- Мы еще увидимся? - выкрикнул я.

Она улыбнулась, кивнула и исчезла: подружки затащили ее в салон.

О Чан! Ее имя было таким же прекрасным, как она сама. Я вновь и вновь повторял его, пока автобус не скрылся вдалеке.

Я с негодованием хлопнул себя по лбу: это был и мой маршрут! И кто знает, когда теперь подойдет следующий автобус...

Проклиная собственную тупость, я отправился в Академию пешком - грустный и одинокий.

СЕРДЕЧНЫЙ ПРИСТУП

Так она и началась, моя первая любовь.

Я не рассказал братьям о случившемся, отчасти потому, что они превратили бы эту историю в пошлятину. Но больше всего я боялся все сглазить - что если моя девушка исчезнет, как призрак, и я никогда ее не увижу? К тому же мне не хотелось столкнуться с кучей вопросов, на которые у меня не было ответов, - например, о ее фамилии или о времени второй встречи.

На следующий день Учитель велел мне отправляться на киностудию, где подрабатывала большая часть старших учеников, - я должен был явиться туда просто на всякий случай: там могли потребоваться статисты. Я предпринял долгую поездку в автобусе к тому же выставочному залу, где мы встречались вчера, и нашел организатора выступления. С совершенно невинным выражением лица я сообщил, что мой наставник хочет передать свои поздравления учителю О Чан и интересуется адресом ее школы. Все оказалось так просто! Организатор был весьма рад помочь такому известному человеку, как мой Учитель, и даже подробно рассказал мне, как добраться до этого заведения. На обратном пути в Коулун я размышлял о том, что скажу ей, когда мы снова увидимся, и где мне назначить девушке своей мечты первое свидание.

Именно тогда я и начал волноваться. Прежде я ни разу не был на свиданиях и не имел ни малейшего представления о том, чем можно заняться вечерами. Что может нравиться О Чан? Захочет ли она посидеть где-то за чашкой чаю или сходить в кино?

Я совсем ничего о ней не знал!

Погрузившись в свои мысли, я едва не пропустил нужную остановку, и мне опять пришлось второпях выскакивать из автобуса. Во мне теплилась слабая надежда на то, что сейчас вмешается рука судьбы, и я собою ее с ног, как накануне, но жизнь никогда не оказывается настолько простой.

Здание ее школы располагалось всего в нескольких кварталах от остановки и по сравнению с нашим выглядело намного внушительнее: новое, чистенькое (во всяком случае, снаружи), с яркими свежеекрашенными железными воротами. Я решил, что тем девочкам, которые изучали здесь искусство оперы, вряд ли хоть раз в жизни доводилось спать на деревянном полу.

В животе у меня возникла пустота. Ее подружки явно были обо мне невысокого мнения. Что, если увидев меня она прикажет мне убираться или, хуже того, начнет насмехаться надо мной, пока я не уйду сам, сгорая от стада? У самых ворот я развернулся, напоминая самому себе, что мне уже пора ехать на студию.

Но когда я побрел назад к остановке, в моей голове неожиданно зазвучал жесткий и неодобрительный голос отца. Неужели лучшее, на что я способен, - валяться на земле и играть роль трупа? Затем голос превратился в целый хор: отец, Учитель, все предки из Шаньдуна дружно повторяли, что если мне боязно оказаться под угрозой насмешек каких-то девчонок, то я - лишь жалкое подобие мужчины, который слишком труслив даже для того, чтобы добиться самого важного в его жизни.

Пусть она посмеется надо мной! Убегать прочь намного позорнее, чем предпринять попытку и потерпеть неудачу. Мое сердце забилося так же сильно, как у всех моих отважных предков. Я вернулся к воротам, отворил их и шагнул во внутренний двор.

Каменное покрытие дворика было ровным и опрятным; я не заметил ни единой трещины или пучка травы. Дверь дома была такой же яркой, как и ворота, а над ней были аккуратно вырезаны окрашенные золотым цветом иероглифы, складывавшиеся в название школы. Я расправил руками одежду, постучал - раз, два, три - и принялся ждать. В голове было совершенно пусто.

Двери приоткрылись, и передо мной появилось лицо пожилой женщины с глубокими морщинами вокруг глаз.

- Да? - сказала она. - Чем могу помочь?

- Прошу прощения, госпожа, но мне нужно кое-что передать одной из ваших учениц. - Я выпрямил спину и старался выглядеть официально.

Женщина мигнула.

- Я не учитель, а экономка, - сообщила она. - Госпожа вышла по делам. Кого именно вы хотите видеть?

Я сглотнул ком в горле. - Мне нужна О Чан.

Седая дама взглянула на меня с нескрываемой подозрительностью:

- О Чан на репетиции.

- Сообщение очень короткое, - настаивал я, справляясь с приступом дурноты.

- Передайте его мне, а я передам ей, - предложила она.

- Госпожа, мне велено передать сообщение ей лично, - возразил я. Моя решимость вот-вот могла испариться: мне уже хотелось убежать. Если голоса в моей голове считают все это таким важным, пусть сами побеседуют с этой старой кошелкой.

Экономка вздохнула и махнула рукой.

- Подождите здесь. Я отыщу ее, - сказала она. - Но вам действительно придется поторопиться.

Получилось! Подобно Царю Обезьян из древних сказаний, который перехитрил стража ворот Небес, я прошел первое испытание. Через несколько секунд дверь открылась, и я наконец-то увидел ее - О Чан.

Ее рот и глаза широко раскрылись от удивления и неожиданности.

Судя по всему, проходила генеральная репетиция: она была в оперном костюме, а утонченные черты лица покрывала белая пудра, лишь над глазами были проведены розовые полоски. Волосы были зачесаны назад и прихвачены сверкающими гребешками, а вчерашний простенький наряд сменился нарядом со складками и длинными рукавами, вытканной из богато украшенной ткани.

- Привет, - выдавил я. - Ты сегодня совсем другая...

Едва вымолвив эти слова, я начал проклинать самого себя за такую глупость. Как только я снова оказался стоящим перед ней, все заранее продуманные слова мигом вылетели из головы. Может быть, если повезет, она не вызовет полицию.

- Извини, - сказала она, прикрыв щеки ладонями. - Я на репетиции... У нас скоро гастроли в Таиланде, а еще нужно успеть изучить много нового.

- Не волнуйся, ты чудесно выглядишь, - сказал я. "Господи, что я несу?"

Она смущенно засмеялась.

- Ты действительно принес мне сообщение? - спросила она. - Экономка скоро вернется...

- Да, сообщение... - начал я и осекся. Собрав всю свою решительность и слыша далекие ободряющие меня голоса, я продолжил: - Тебе передают, что скоро состоится свидание.

- Свидание с кем?

- Со мной, - нахально заявил я.

Она вновь не смогла удержаться от смеха:

- Интересно, когда?

- А когда ты свободна?

О Чан прислонилась к двери и нахмурилась.

- Я уйду домой в десять, - сказала она. - Но обычно сразу иду спать.

- Постарайся улизнуть, - предложил я. - Я тебя дожусь.

- Ты даже не знаешь, где именно ждать! - сказала она.

- Буду знать, если ты мне скажешь, - откликнулся я, блеснув своей самой очаровательной улыбкой.

И она сказала.

Затем она закрыла за собой дверь, бросив мне на прощание последнюю улыбку и помахав рукой.

Царь Обезьян вошел во врата Небес, а голоса в моей голове праздновали победу.

До самого вечера я просто бродил по Коулуну и убивал время, описывая медленные круги по окрестностям, рассматривая толпы людей и перекусывая. Я подумывал о том, не сходить ли мне на студию, но они вряд ли взяли бы меня работать лишь на полдня, и к тому же мне хотелось, чтобы первое свидание этим вечером прошло на высоте - никакой грязи, пота, синяков и растянутых связок. Когда я дожевывал пятый пирожок со сладкими бобами, меня начала изводить неприятная мысль: Учитель считал, что я провел весь день на студии, занимаясь разными скучными делами вместе со своими братьями. Но завтра утром он, как обычно, построит нас после завтрака и потребует заработанные накануне деньги.

Я с ужасом представил себе эту сцену. "Где твои деньги, Юань Ло? - спросит он, увидев, что я стою с пустыми руками. - Потерял? Растратил на глупости?"

Какие оправдания я мог придумать? Он отвесит мне семьдесят пять ударов тростью - по одному за каждый отсутствующий доллар. Несмотря на то что Учитель становился все более седым и неуклюжим, он сохранил свою прежнюю физическую силу.

Оставалось только одно. Я отправился в банк, где отец открыл счет на мое имя, и попросил у кассира семьдесят пять гонконгских долларов.

Я отдам Учителю эти деньги, и он никогда не узнает, что случилось на самом деле. Однако я задумался и о том, что свидания с девушками могут обходиться очень дорого.

Ровно в десять часов я стоял у ворот дома О Чан; она жила в очень красивом квартале в одном из самых зажиточных районов Коулуня. Свет в доме не горел, а окна были плотно прикрыты ставнями. На какое-то мгновение мне показалось, что меня обманули, и она просто лежит в постели, хихикая над тем, какой я идиот. В тот же миг ворота открылись, и показалось ее симпатичное личико.

- Привет; - сказал я и оперся одной рукой о ворота, что, как я предполагал, должно было обозначать подходящую раскованную позу.

- Пришел, - с улыбкой сказала она. - Я не думала, что ты придешь.

- А как же иначе? - улыбнувшись в ответ, подивился я. - Пойдем.

Она вышла на улицу, и я подумал, что никогда прежде не видел такой милой девушки, какой была в ту минуту О Чан - на ней было простое платье, а распущенные волосы сбегали на плечи и озарялись только бледным лунным свечением.

Мы бок о бок молча двинулись по улице. Затем О Чан принялась расспрашивать о моей школе, а во мне словно прорвало плотину. Я поведал ей о болях и муках во время тренировок и знал, что она меня внимательно слушает и прекрасно понимает. Я рассказывал о суровых правилах Учителя, о побоях и наказаниях, и она сочувственно вздыхала. Я пересказывал ей разные шутки, загадки и смешные истории о наших с братьями приключениях, и она хохотала, а я тем временем думал о том, что мог бы целую вечность любоваться тем, как она смеется.

Мы шли и шли, пока не обнаружили, что оказались на окраине парка Коулунь. Мы присели на деревянную лавку; в вышине сияла луна, листья деревьев шелестели под легким ветерком, а я каким-то чудом нашел в себе смелость взять ее за руку - и она не отдернула ее. Я до сих пор помню, какой крошечной и теплой, мягкой и изящной была ее ладошка, совсем непохожая на мои грубые, мозолистые лапы. Мне казалось, что наши руки возникли в двух совершенно разных мирах: ее ладонь была создана для прикосновений, ласки и любований, а моя - сугубо в практических целях. Мои руки были скорее инструментом - или оружием.

Мы просидели рядом несколько часов - говорили немного, и большую часть времени просто смотрели на луну и друг на друга. Затем она сказала:

- Юань Ло, мне пора. Уже давно за полночь, - и чары этого вечера рассеялись. Я не возражал. То, что случилось, и так было намного больше, чем я смел надеяться: я, бедный и потрепанный мальчишка, - и такая богатая и красивая девочка, как она. Я помог ей подняться с лавки, и мы направились к ее дому.

- Мне было очень приятно снова увидеть тебя, - сказала она, когда мы вошли в ее квартал. Я кивнул и стиснул ее руку.

Мы стояли у ее ворот. Наступили самые темные часы ночи, а я раздумывал, могу ли ее поцеловать. Мне показалось, что это будет как-то неправильно, как если бы мой поцелуй мог разрушить некую тайну, невысказанное правило, и тогда она навсегда исчезнет. Поэтому я просто безмолвно смотрел, как она машет мне на прощание рукой и входит во двор.

Через несколько мгновений она снова показалась в воротах, словно знала, что я еще не ушел.

- Придешь еще, Юань Ло? - спросила она. Ее щеки порозовели, а глаза скромно смотрели в сторону.

Я ей понравился! Мое лицо расплылось в широкой улыбке, а сердце едва не выпрыгнуло из груди.

- Думаешь, тебе удастся избавиться от меня? - спросил я и, прежде чем она успела ответить, послал ей воздушный поцелуй и умчался в ночь, слыша, как ее смех несется вслед за мной сквозь теплый и влажный воздух.

Разумеется, мне пришлось рассказать своим братьям о том, что у меня появилась подруга, чтобы они прикрыли меня, если у Учителя возникнут какие-то подозрения.

В конце концов, они-то знали, что меня не было на студии. Однако если я сам хотел тратить свои деньги таким способом, какое им дело? Единственной неприятной стороной этого были их ужасные шуточки в отношении О Чан и того, чем мы занимались, оставшись одни в парке темной ночью. На самом деле все было совсем не так, но им трудно было это понять. Я позволил им повеселиться... и твердо решил, что никогда не допущу, чтобы они встретились с О Чан, если только это будет в моих силах.

Примерно через полгода после того, как мы начали встречаться, Учитель сообщил, что отправляет меня на другие показательные выступления. Однако они должны были проходить не в Гонконге, а в Юго-Восточной Азии - в Сингапуре, за тысячу миль отсюда. Я известил об этом О Чан, предполагая, что огорчу ее, но она только рассмеялась.

- Не будь глупышкой, речь идет о какой-то паре недель, - сказала она. - К тому же разве ты не помнишь? Я уезжаю на гастроли в Таиланд, так что мы окажемся совсем рядом.

После проведенных рядом шести месяцев нас впервые ожидало расставание. Я заставил ее пообещать, что она меня не забудет, а она потребовала того же от меня. Всем своим сердцем я понимал, что мне нет нужды приносить клятву - как бы далеко она ни уехала, какой бы долгой ни была разлука, она навсегда останется девушкой моей мечты.

ДЕЛА СЕРДЕЧНЫЕ

По пути в Сингапур я впервые за долгое время чувствовал себя одиноким. В переполненной школе я редко оставался один, и потому путешествие в одиночестве казалось своего рода роскошью. Но теперь, когда у меня была О Чан и мы на какое-то время расстались, я все время чувствовал себя так, словно чего-то не хватает.

Я оказался вдалеке от дома и считал дни, оставшиеся до возвращения. Хозяева показательных выступлений разместили меня в одном доме, где было намного лучше, чем в школе: настоящая кровать и даже ванная комната. Если не считать перерывов на еду, меня практически предоставили самому себе, и я мог свободно побродить по городу. Днем я тренировался в надежде, что сильная усталость поможет мне хотя бы ненадолго забыть О Чан, а по вечерам я исследовал Город Львов.

Я надеялся, что за эти две недели не успею сойти с ума, и мне это почти удалось.

вечером накануне отъезда из Сингапура я, как обычно, скитался по улицам, рассматривая здания, толпы и вслушиваясь в выкрики уличных торговцев, которые продавали незнакомые лакомства с непривычным вкусом. Это была моя последняя возможность взглянуть на город, и потому я зашел дальше, чем обычно, пока не оказался на пустынных улицах в нескольких милях от того дома, где меня устроили. В стремлении убежать от собственных мыслей я совершенно позабыл о времени. Чтобы вернуться назад, понадобились бы долгие часы, и мне очень повезет, если я успею домой к рассвету.

В этот момент начался дождь - не мелкий дождик, а внезапный, пронизывающий насквозь ливень, быстро превратившийся в полномасштабный муссон. С неба обрушивались потоки воды, а ветер разрывал матерчатые навесы и ярко окрашенные рекламные знаки.

Пригнувшись, я помчался сквозь бурю. Я мгновенно промок и понял, что мне не удастся вернуться назад пешком. Тут я заметил старый, проржавевший велосипед, оставленный владельцем на углу и наполовину спрятанный в дверном проеме. При таком ветре ехать на велосипеде было трудно, и все же это быстрее, чем идти пешком. Я вытолкнул велосипед на улицу, оседлал его и помчался через ураган, стоя на педалях наклонившись в сторону косых стрел дождя. Мне хотелось быть рядом с О Чан вечно. Я готов был отдать десять лет жизни за то, чтобы провести с ней все оставшиеся годы. Я без колебаний пожертвовал бы всем. Моему воспаленному мозгу почему-то казалось, что это желание исполнится, если я преодолею эту бурю, если смогу добраться назад одним рывком. Я сильнее нажал на педали, словно пытался перегнуть свое невезение. А затем в яркой белизне вспышки молнии я увидел на висящем над головой балконе какую-то фигурку - я был уверен, что это именно она, что я выиграл в своей гонке и она стала моей навсегда. Я отбросил в сторону старый велосипед, пересек покрытую грязной водой улицу, подпрыгнул, ухватился за край балкона и перебрался через его скользкие от влаги железные перила.

Это была просто мокрая женская блузка, которую позабыли на веревке для сушки белья, а я спутал ее с ней - со своей О Чан. Увидев этот символ моей глупости, я расхохотался над самим собой. Как она могла оказаться здесь, в Сингапуре? Зачем бы ей стоять под проливным дождем? Она была в сотнях миль отсюда, и на нее проливались восторги и внимание богатых поклонников.

Какой я идиот! Она такая красивая и милая, она живет в чудесном доме, она - одна из известнейших актрис оперной школы Чжоу. А я - я просто жалкий и нищий каскадер, уродливый мальчишка с огромным носом, у которого нет никакого будущего.

Я прошу прощения у читателя: я не собирался так углубляться в эту тему, но О Чан была, вероятно, самым прекрасным, что произошло в моей жизни к тому возрасту, и даже сейчас мысль о ней дает мне немного счастья и грусти. Мы все еще время от времени видимся. Когда я попадаю в Гонконг, что случается уже не так часто, мы с несколькими друзьями пьем по воскресеньям чай, и иногда к нам присоединяется она. Мои родители знакомы с ней и очень (почти как мою жену) ее любят. Она действительно очень приятный и спокойный, внимательный и вежливый человек. Она не замужем, и у нее никогда не было даже приятеля.

Иногда жизнь очень удивляет. Однако, как я уже говорил, прошлое есть прошлое, что прошло, то прошло, и оно должно оставаться там, где положено: в наших счастливых воспоминаниях. Я уверен, что она согласилась бы со мной - такой уж она человек.

РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ

Обжив новую квартиру и смастерив себе мебель - она была не очень изящной, но вполне меня устраивала, - я мог начинать свою жизнь в Настоящем Мире. Днем за спиной не стоял Учитель, ночью меня не теснили боками братья и сестры, так что все двадцать четыре часа суток были в полном моем распоряжении. Просыпаясь в роскошно позднее время (в восемь утра), я покупал несколько пирожков и съедал их в автобусе по дороге на киностудию, где торчал вместе с другими младшими каскадерами в надежде, что нам перепадет какая-нибудь работенка. Некоторые из них были моими братьями, и мы сидели в тени, рассказывали анекдоты, бахвалились и наблюдали за актерами и старшими каскадерами. Обычно то, что мы видели, совсем нас не впечатляло. Даже в наши дни съемки фильма могут представлять собой достаточно нудное занятие - особенно в том случае, если вы находитесь в самом конце "пищевой цепочки". Большая часть съемочного дня сводится к ожиданию, а тем временем люди вокруг спорят и кричат, пытаются вздремнуть и одновременно остаются предельно внимательными. Это умение достаточно трудно освоить, но жизнь в школе стала для нас хорошей практикой, что нам очень помогало.

Никогда не следовало делать вид, будто тебе нечем заняться, иначе кто-нибудь хватал тебя и заставлял перетаскивать что-нибудь с одного места на другое, даже если в этот день ты не работал. С другой стороны, не стоило выглядеть слишком заинтересованным, так как ты еще молод, а даже в те времена для того, чтобы выглядеть хладнокровным, нужно было вести себя так, словно тебе плевать абсолютно на все.

Крупнейшая гонконгская студия тех лет принадлежала братьям Шоу, Ран Рану и Ран Ме Шоу - двум финансовым магнатам Гонконга. Она носила название Киногородок и занимала огромную территорию: около 40 акров земли, усыпанных сотнями сооружений от сараев для бутафории до гигантских павильонов звукозаписи и общежитий для актеров, которые работали на братьев Шоу по контрактам. Там был даже макет целой деревушки времен династии Цзин в натуральную величину, служивший декорациями для множества фильмов Шоу, так как большая часть снимавшихся тогда кинолент была связана с эпохами боевых искусств и мастеров меча. Именно по этой причине спрос на каскадеров (и даже на маленьких трюкачей вроде нас) был очень велик.

Мы становились теми безымянными пешками, которые делали возможным все волшебство суровых сражений, драк, прыжков в высоту и падений, ударов руками и ногами и полетов в воздухе.

Студия не рисковала своими звездами и не позволяла им выполнять то, что могло им повредить, - не столько потому, что беспокоилась о них самих (по контракту большинство актеров получало всего 200 гонконгских долларов постоянного жалованья в месяц и семьсот долларов за каждый фильм), сколько по той причине, что травмы могли остановить или замедлить производство фильмов, - а братья Шоу штамповали целые десятки фильмов в год.

С другой стороны, какой бы грязной или опасной ни была работа, мы представляли собой дешевую рабочую силу, и в те дни, когда мы не были нужны, на нас просто не обращали никакого внимания. По крайней мере, нас кормили обедом, хотя пища там, как ни трудно в это поверить, была еще хуже, чем в школе: рис с овощами или похлебка, которую варили в огромных котлах.

Я уже упоминал о том, что чаще всего такие молодые ребята, как я, исполняли самую худшую работу: мы играли роли трупов или статистов в массовых сценах - нас одевали в ветхие и вонючие костюмы и размещали где-нибудь на заднем плане. Однако какой бы отвратительной ни была такая работа, мы все же оказывались в гуще событий. Мы наблюдали за старшими каскадерами, учились у них и размышляли о том, что, когда наконец-то примкнем к их числу, будем делать все намного лучше.

Съемочный день заканчивался поздним вечером. Когда фильм предстояло снять менее чем за месяц, такие глупости, как закат солнца, никого не останавливали. Хотя приборы не могли полностью заменить солнечный свет, на площадку выносили огромные электрические лампы. Затем нас продолжали убивать, прекрасно понимая, что, независимо от того, продолжаются съемки до ужина или до самой полуночи, мы все равно обойдемся студии в одну и ту же сумму - в суточную оплату.

Обычно мне удавалось уходить в нужное время и добираться в Коулунь к десяти вечера (Киногородок находился на окраине Гонконга, у залива Клиэр-Уотэ). К тому времени я обычно уже испытывал голод, покупал у придорожного торговца немного лапши и съедал ее по дороге к дому О Чан. Смех да и только! Мой отец был одним из лучших известных поваров, но в течение всей своей жизни в Коулуне я ни разу не приготовил себе еду сам. День за днем было одно и то же: дешевая, горячая и съедаемая в спешке пища, купленная на улице, и все же в то время мне это очень нравилось. Я и сегодня люблю простую еду и предпочитаю горшочек с рисом и жареной свининой любому гастрономическому деликатесу. Затем, словно сверяясь с часами, из ворот дома выглядывала О Чан. Она махала мне рукой, и мы отправлялись в долгую и неторопливую прогулку в парк Коулуня - к нашей скамейке, к нашей луне и нашему двухчасовому свиданию. Я ежедневно тщательно припоминал все примечательные события, случившиеся на съемках: режиссер так рассердился на одного актера, что свалился с кресла; один из каскадеров ошибся, падая с крыши, и приземлился на тележку, а та развалилась, и колеса покатались во все стороны! Мне всегда удавалось рассказать О Чан что-нибудь новое и занятное. Я делал это в надежде на то, что смогу быть достаточно веселым, чтобы она захотела встретиться со мной следующим вечером - и все же я совсем не был уверен в том, что завтра не увижу ворота закрытыми и запертыми на замок.

Мои самые ужасные страхи начали становиться явью через несколько месяцев после нашего возвращения из поездок по Юго-Восточной Азии.

Я немного опаздывал на свидание с О Чан, потому что режиссер пустился в визгливый спор с руководителем группы каскадеров в отношении одной сцены, требующей хореографической постановки. Я был в этой сцене всего лишь манекеном, одним из толпившихся зевак, которые следили за дракой, но идиот-режиссер не разрешал никому уходить, пока не добился своего, хотя прекрасно знал, что последнее слово во всем, что касается работы каскадеров, принадлежит постановщику трюков.

Это было глупо никогда не стоит ссориться с хорошим постановщиком трюков, а вся эта заварушка изрядно унизила его перед группой каскадеров. Режиссеру очень повезет, если в остальных кадрах его фильма окажется хоть одна приличная батальная сцена. Будь я постановщиком трюков, я просто покинул бы съемочную площадку.

Однако я был ничтожной пешкой и не мог уйти - просто не мог, если хотел вернуться сюда на следующий день. Из-за этого я, задыхаясь и покрываясь потом, пробежал все расстояние от автобусной остановки и даже не остановился, чтобы перекусить.

Она все еще была здесь! Мое сердце прыгало от радости, так как я подозревал, что она уже скрылась в доме и легла спать. Затем я заметил, что выражение ее лица отнюдь не такое радостное и веселое, каким я привык его видеть и какое так любил. Напротив ее лицо было бледным, а глаза покраснели. Что же случилось?

- О Чан, что с тобой? - спросил я, с трудом сглотнув поднявшийся в горле ком. Она покачала головой.

- Прости меня за то, что я опоздал. О Чан, это режиссер... - Она отвернулась от меня и история о глупом режиссере и его ссоре с постановщиком трюков, которую я собирался изложить, тут же вылетела у меня из головы. Я был сокрушен. В глубине души я понимал, что что-то не так, но это никак не связано с тем, что я опоздал.

- Юань Ло... - мягко сказала она прерывающимся голосом. - Нам больше нельзя встречаться.

Она вошла в ворота и закрыла их за собой. Я уставился на ворота, на эту стену из металла, которая отрезала меня от моей любимой, а затем пустился бежать.

Мне хотелось закричать, но я не хотел быть рядом с ее домом, если крик все же вырвется из груди.

Ту ночь я провел, свернувшись калачиком в углу своей квартиры и глядя в стену; я выключил свет и прикрыл ставни. В кромешной темноте мне почти удалось вообразить, что меня со всех сторон окружают люди - мои братья и сестры, спящие крепко и бесшумно. Это было намного лучше, чем осознавать свое полное одиночество.

TO BE Continued...
